

татьяна **Батенёва**
женский детектив
У АНГЕЛОВ
НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Аня пропала! Я сделала
заявление в полицию,
а они говорят, что по
спискам пассажиров
мы в Турцию вообще
не прилетали...

Татьяна Батенёва

У ангелов нелетная погода

«Центрполиграф»

2010

Батенёва Т. А.

У ангелов нелетная погода / Т. А. Батенёва — «Центрполиграф», 2010

Лариса Северцева получила очень приличный гонорар, хватило и на ноутбук для доченьки Анны, и на отдых в Турции. Мать и дочь уже в аэропорту мысленно плескались в теплом море, когда Аня отправилась в туалет и пропала... Больше недели Лариса провела между надеждой и полным отчаянием. Ее друзья отработывали все возможные версии, но ни одна из них не подтвердилась. Разгадка таинственного похищения оказалась ошеломительной. Только бесконечная любовь, ангелом-хранителем парящая над миром, может спасти хрупкую юную жизнь...

© Батенёва Т. А., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

16 августа 2008 года, суббота	5
16 августа 2008 года, суббота, вечер	11
16 августа 2008 года, суббота, вечер	14
16 августа 2008 года, суббота, вечер	20
17 августа 2008 года, воскресенье, утро	23
17 августа 2008 года, воскресенье, вечер	25
18 августа 2008 года, понедельник, утро	27
18 августа 2008 года, понедельник, утро	29
18 августа 2008 года, понедельник, день	32
18 августа 2008 года, понедельник, день	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Батенёва

У ангелов нелетная погода

Все перипетии и действующие лица придуманы автором. Любые совпадения с реальными людьми или событиями являются чистой случайностью.

16 августа 2008 года, суббота

Ссориться начали еще по дороге в аэропорт. Аня не выспалась – рейс был charterный, ранний. А когда Аня не выспалась, она всегда злилась, раздражалась по пустякам. Ларису это свойство дочери возмущало, хотя она и понимала его биологическую природу.

– Ты же не кошка и не собака, – увещевала она дочь. – Ты человек, надо уметь держать себя в руках. Мало ли что, не выспалась! Я все время не высыпаюсь, но это не повод огрызаться.

– Ой, мам, не грузи! – хмурила дочь светлые бровки. – Я спать хочу!

Спать и есть – это были две святыни для Ани с детства. Никто и ничто не могло занимать ее, когда она хотела есть или спать. «Бабушка разбаловала, а я потакала», – корила себя Лариса. Зато сытый и выспавшийся ребенок был покладист и улыбчив. И чем старше дочь становилась, тем чаще Лариса ловила себя на том, что соотносит свои педагогические усилия с ее физиологией.

«Все-таки она меня выдрессировала, а не я ее», – думала Лариса, глядя на надутые губы ребенка. К тому же она и сама чувствовала себя виноватой – не подключила Анин сотовый к международному роумингу и не позволила взять с собой ноутбук, лишив дочь привычной возможности болтать с подружками полночи напролет. Сделала она это сознательно: бюджет поездки таких затрат не выдержал бы, но Аня решила, что мать просто вредничает, и дулась еще и поэтому.

– Паспорт и билет отдала бы мне, – примирительно начала Лариса. – А то, не приведи господь, потеряешь.

– Ма, мне уже исполнилось восемнадцать, ты не забыла? – Аня открыла один глаз. – Не суется, все будет нормально.

Лариса откинулась на спинку: да, с этим ребенком не сладишь уже, как прежде. Она и на отдых в Турцию лететь отказывалась. Что там делать? Тут туса, дела всякие! Лежать на пляже, бока наедать?

На все аргументы матери о том, что год был тяжелый – выпускные экзамены в школе, потом поступление в институт, что надо поддержать здоровье, поплавать в море, позагорать, – Аня только хмыкала. Но как-то в одночасье разъехались все подружки и друзья, и она нехотя согласилась:

– Но не больше чем на неделю, ма!

Лариса была и этому рада, да и денег больше, чем на неделю, все равно не было. Но путевки выбрала не дешевые – пять звезд, все включено. Так хотелось расслабиться, отдохнуть: год и у нее выдался непростой. Огорчал только charterный рейс. Лариса не любила летать чартерами: вечно там то задержка, то проблемы с горючим, то двойные билеты на одни и те же места...

Не подвела ее интуиция и на этот раз – рейс действительно задерживали. Аня длинно зевнула, недовольно покосилась по сторонам: где бы присесть. Но свободных мест не было.

Домодедово забито пассажирами, середина августа – самый отпускной сезон.

Лариса и Аня пристроились у стеклянной стены, долго ждали объявления на регистрацию. Наконец сдали чемодан и сели в самолет. Как и следовало ожидать, места, указанные в посадочных талонах, уже были заняты. Аня злилась, Лариса минут десять выясняла отношения с бортпроводницей. Та затравленно извинялась – по всему видно, не в первый раз, потом побежала в сторону кабины пилотов.

Наконец их с улыбками и реверансами пристроили в салоне бизнес-класса, почти пустом. Аня развалилась в широком кресле, показала матери «о'кей» – пальцы, свернутые кольцом, надела наушники айпода, вытянула ноги в проход и закрыла глаза. Все, теперь ее лучше не трогать.

* * *

Когда самолет, длинно тормозя и подпрыгивая, сел в Анталии, Лариса расслабилась. Летать она не любила и боялась. Пассажиры разом, несмотря на мольбы бортпроводницы, повскакали с мест, начали доставать сумки и пакеты с полок. Аня открыла глаза, потянулась – за весь полет ни слова не сказала матери.

– Ну что, доча, прилетели? – Лариса подпустила в голос жизнерадостности.

– Ага, прилетели, – сумрачно откликнулась дочь.

– Ничего, часа через два будем в отеле, поспишь, потом на море пойдем. – Лариса делала вид, что не слышит недовольства. Не хотелось омрачать начало отпуска выяснением отношений и нотациями.

В светлом огромном здании аэропорта все сразу кинулись к кабинкам за получением визы, хотя там и так уже стояли огромные очереди. Громогласные дамы с выводками детей, писклявые младенцы на руках, какие-то разряженные старухи в пляжных шляпах, подвыпившие отцы семейств в гавайских рубашках – большую часть толпы составляли русские. Кое-где видны были чистенькие и спортивные немцы, в основном парами – их Лариса узнавала издали, даже не слыша разговора.

– Ма, я в туалет хочу, – пробурчала Аня. – Все равно очередь тут на час, не меньше.

– Знаешь где, да? – откликнулась Лариса. – Вон туда прямо, потом направо, под лестницей.

Очутившись в аэропорту, она тут же вспомнила всю его географию, хотя в последний раз они с дочерью отдыхали в Турции лет пять назад.

– Только недолго, а то очередь пропустим.

Независимо вздернув подбородок и не снимая наушников, дочь отправилась по указанному маршруту.

Лариса медленно продвигалась к кабинкам, приготовив деньги на визы, свой паспорт и ваучер. Аня все не возвращалась, хотя прошло уже минут пятнадцать. Стоящая впереди пара с малышом потихоньку ссорилась. Мальчик капризничал, недовольный муж шипел на жену, та вяло огрызалась. Вот так и весь отпуск проведут, грустно подумала Лариса, стоило за границу ехать.

Прошло еще минут десять, очередь продвинулась наполовину, а ребенка все не было. Лариса начала нервничать: что она там, просила же не задерживаться!

– Я отойду на три минуты? – обратилась она к стоящей сзади чопорной седой даме с молодым спутником. – Дочь поищу, где-то пропала.

– Да-да, конечно, – сухо кивнула дама.

Лариса быстро добежала до туалетов. В предбаннике с раковинами и сушилками никого не было, двери в кабинки полуоткрыты, закрыта лишь одна в самом конце помещения. Она подождала. Наконец оттуда, переваливаясь, вышла грузная тетка в цветастом платье и белом платке на голове.

Господи, где же она? Неужели пошла к киоскам? «Пить, есть и писать», – вспомнила детскую привычку дочери отвечать на вопрос «чего ты хочешь?». Быстрым шагом дошла до стеклянной стены, отделявшей зал прилетов от магазина беспощинной торговли, – нет, тут не пройти просто так, только через паспортный контроль. Вдоль стены тянулись серые двери в какие-то служебные помещения. Ну не пошла же она туда!

Быстро набрала Анин номер. Заиграла любимая мелодия дочки – кажется, Земфира. Но женский голос проговорил бесстрастное заклинание: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети!» Ах да, сама же не подключила роуминг, вот черт!

По светлому полу возила уборочную машину какая-то очень смуглая тетушка в комбинезоне.

– Простите, вы не видели здесь девушку в джинсах, с наушниками? – растерянно обратилась к ней Лариса.

Та, изо всех сил улыбаясь, покачала головой: не понимаю. Лариса повторила вопрос по-английски – с тем же результатом.

«Ну, погоди, вернешься – получишь по полной программе!» Лариса почти бегом вернулась к очереди. Чопорная дама стояла уже в двух метрах от кабинки, в которой сидел усатый пограничник. Лариса встала перед ней, вертя головой во все стороны. Ани не было видно. Прошло еще пять минут... – Я пропущу вас, хорошо? – Она обернулась к стоящим сзади. – А то ребенок куда-то запропастился, придется подождать.

Несколько человек с радостью протиснулись вперед, она уступила дорогу, потом вновь встала в очередь. Сердце начало колотиться, руки задрожали – не дай бог, случилось с ней что-то! Может, плохо стало?

Лариса, еще раз извинившись, опять побежала к туалетам, дождалась, пока откроются все закрытые дверцы. Из них выходили женщины разных возрастов, она тянула шею, чтобы сразу же увидеть Аню. Некоторые с удивлением смотрели на странную, явно встревоженную женщину в светлом сарафане.

Ребенок пропал. Лариса вернулась к очереди, еще раз пропустила пассажиров вперед, оставшись практически последней. Но по галерее уже мчалась толпа вновь прибывших, и она отошла в сторону: все равно без Ани делать в этой очереди нечего.

Аня вышла из кабинки туалета, вымыла руки, разглядывая себя в большом зеркале. Светлые, стриженные прядями волосы, ярко-карие глаза – мать всегда говорила, что это главное ее украшение, редкое сочетание. Но в остальном собственное лицо Ане активно не нравилось: нос бесформенный, бульбочкой, щеки слишком толстые, губы... Нет, губы, пожалуй, ничего. Только без макияжа лицо какое-то голое, невыразительное.

Она собрала волосы в хвост, заколола «крабиком», сняла джинсовую куртку и перекинула ее через висящую на плече большую сумку – тут даже при кондиционере жарко... Еще раз полюбовалась на свои глаза – м-да, без туши ресниц почти не видно, хотя они и темные.

Она вышла из туалета и чуть не уткнулась в грудь высокого мужчины в темно-синем костюме. «Это в такую-то жару!» – подумала машинально.

– Простите, это вы – Анна Северцева? – Мужчина был подтянут и хорошо выбрит, и пахло от него дорогим парфюмом. В руке он держал сотовый какой-то новой модели, Аня таких еще не видела.

– Ну я, а что? – Аня независимо вздернула голову.

– Прошу извинить, дело в том, что вашей маме стало плохо в очереди, ее увезли на «скорой». – Мужчина сочувственно покачал головой. – Я провожу вас, она просила. Мы доставим вас в больницу, в которую повезли вашу мать. Пройдемте. – И он легко подхватил ее под правый локоть.

– Как? – оторопела Аня. – Что плохо-то? Почему? Я же только что отошла от нее, все было нормально...

Она вертела головой, пытаясь увидеть очередь и стоящую в ней мать, но они уже повернули за угол, откуда очереди к паспортному контролю не было видно совсем.

– Видимо, с сердцем что-то, – тем же сочувственным тоном проговорил мужчина. Слева Аня увидела еще двоих, так похожих на первого, что их всех можно было бы принять за близнецов. – Хорошо еще, что тут всегда дежурит машина скорой, ей уже оказали первую помощь, но нужна кардиограмма, вдруг это инфаркт, вы понимаете?

– А... багаж как же? – Аня никак не могла понять, почему все изменилось так быстро. – И у меня же еще визы нет, мы не успели!

– Не беспокойтесь, дайте ваш паспорт и ваучер, сейчас мы все это уладим. – Мужчина протянул руку, и Аня машинально, как заколдованная, вложила в нее свой загранпаспорт и цветастую бумажку – туристический ваучер. Он передал ее документам напарнику, и тот стремительно повернул куда-то за угол.

Аня и двое ее спутников быстрым шагом вышли из здания аэропорта, прошли по жаркой подъездной аллее и сели в черный БМВ – она даже глазом моргнуть не успела. Водитель в таком же темно-синем пиджаке («Что их тут, в униформу, что ли, наряжают?») рванул с места. Аня покосилась на спутника, севшего рядом, – он бесстрастно смотрел вперед. Облизала губы, пить очень хотелось, в полете давали бутерброд с соленой рыбой.

– Хотите пить? – обернулся к ней проницательный водитель. – Вот, возьмите. – И он протянул запотевшую бутылку с какой-то местной газировкой ядовито-оранжевого цвета.

Аня скрутила крышечку, жадно выпила сразу чуть не полбутылки. Посмотрела на сидящего слева – показалось или нет, что он как-то вытягивается в длину, меняется в габаритах... Она начала что-то говорить – собственный голос звучал как-то странно, замедленно. И мгновенно откинулась на мягкую спинку, закатив глаза...

Лариса металась по залу прилета уже целый час, то подбегая к туалетам, то возвращаясь к очереди. В голове мутилось, в ушах звенело. Ани нигде не было, и она никак не могла сообразить, что же теперь делать. Люди, волнами наплывавшие с прилетающих самолетов, шархались от странной тетки с растрепанными волосами, которая безумно вглядывалась в новые лица, расталкивала окружающих.

Наконец она совсем обессилела. За ней с интересом и подозрительностью наблюдали турки, сидящие в кабинках паспортного контроля, но никто не подходил. Очереди снова рассосались. Лариса подошла к крайней кабинке.

– Понимаете, у меня дочь пропала... – попыталась она объяснить сидящему в ней плотному черноусому турку, который, она слышала, немного изъяснялся с туристами по-русски. – Вот мой паспорт, вот ваучер... Мы прилетели из Москвы, она пошла в туалет и пропала. Понимаете?

Турок выжидательно смотрел на ее руку, в которой торчала бумажка в пятьдесят долларов.

Лариса, спохватившись, сунула ее в окошко. Он взял деньги, посмотрел купюру на свет, дал сдачу и шлепнул в паспорт визу. Лариса не отходила.

– А как же дочь, она тут в зале прилета где-то, – бормотала она. – Она потеряется, если я уйду, понимаете?

Турок широко улыбнулся и помахал рукой: проходите, мол.

– Нет, вы не поняли, – начала Лариса по-английски. – Я прилетела вдвоем с дочерью. Она пошла в туалет и потерялась. Уже больше часа назад. Я не могу уйти, у нее нет денег на визу, понимаете?

Турок озадаченно прокричал что-то по-своему в соседнюю кабинку, оттуда вышел пограничник помоложе, с красивым, совсем европейским лицом. Он по-английски осведомился, чем может помочь. Лариса с безумной надеждой, что вот сейчас все разъяснится, быстро принялась повторять то, что уже пыталась рассказать черноусому. Молодой слушал внимательно, потом спросил:

– Сколько лет вашей дочери?

– А какое это имеет значение? – не поняла Лариса. – Восемнадцать.

– Ну, может быть, она не захотела ехать с вами в отель? – улыбнулся турок. – И поехала отдельно?

– Да что вы такое говорите! – Лариса готова была зарыдать в голос. – У нее нет денег на визу, она не могла выйти без меня.

– А паспорт ее у вас? – вежливо спросил молодой.

– Н-нет, у нее... – растерянно сказала Лариса.

– А туристический ваучер?

– Тоже у нее.

– Так поезжайте в отель, скорее всего, она уже там, вы просто не заметили, а деньги у молодых девушек всегда есть. – Турок приложил ладонь к форменной фуражке.

– Не-ет, – замотала головой Лариса. – Этого не может быть! Она пошла в туалет и оттуда не вернулась, понимаете? Там ее нет, я проверяла. Куда она могла выйти мимо паспортного контроля?

– Ну хорошо, пройдите на первый этаж, в отделение полиции, сделайте заявление, – безразлично посоветовал молодой пограничник. – И поезжайте все-таки в отель, там встретитесь с вашей дочерью.

В отделении полиции сидел пожилой черноусый турок – Ларисе показалось, точная копия того пограничника, с контроля.

Она опять попыталась рассказать ему, что случилось. Он внимательно и долго слушал, кивая. Но потом проговорил что-то по-турецки, позвонил куда-то по телефону, а ей указал на потертую кушетку в углу.

Через двадцать минут пришла немолодая замотанная женщина-переводчица. На плохом русском она стала переспрашивать Ларису – пришлось рассказать все еще раз. Ей казалось, она сходит с ума, сама уже не верила тому, что говорила. Казалось, надо выйти из этого тусклого прокуренного помещения, и там, на воздухе, к ней кинется Аня, веселая и довольная.

Но турок все бубнил свои вопросы, писал что-то на компьютере, переводчица уныло переводила, Лариса повторяла, что прилетела из Москвы, что вот он, ваучер, что дочь пошла в туалет и пропала. Ее спросили, где она покупала ваучер, какая фирма-туроператор, каким рейсом они летели, в котором часу сели в Москве и приземлились в Анталии... Потом долго выясняли приметы Ани – рост, вес, размер одежды и обуви, цвет волос и глаз, особые приметы, во что была одета и обута, не болела ли психическими заболеваниями... Спросил, есть ли у нее с собой фото дочери, и Лариса растерянно развела руками: фото нет, и в телефоне у нее нет встроеной камеры...

Вопросам не было конца, потом турок опять принялся звонить куда-то, говорил, коверкая ее фамилию, – у него получалось не Северцева, а какая-то Сыверсыва, и не Лариса, а Лырыс. Только имя Анна он произносил как надо, и от этого становилось еще страшней.

Потом он наконец повесил трубку и сказал, что в списке пассажиров рейса 611 из Москвы не было никаких Северцевых – ни Ларисы, ни Анны.

Лариса чувствовала, что сейчас сознание отрубится, – она ничего не понимала.

– Как не было? А как же я? Я же вот, а вот мой билет. – Она протянула корешок посадочного талона.

Турок заинтересованно повертел его в руках. Потом нажал на кнопку, принтер выплюнул лист бумаги. Полицейский произнес длинную фразу по-турецки.

– Ваше заявление зарегистрировано, распишитесь вот здесь, – устало проговорила переводчица. – А сейчас идите в отель, мы примем меры и вам сообщим. Завтра.

– Как завтра? Почему завтра? – На глазах Ларисы кипели слезы. – Я не могу до завтра. Где мой ребенок?

Полицейский что-то сердито проговорил, коротко рубанув ладонью и вставая из-за стола, переводчица потянула Ларису за руку.

– Пойдемте, вам надо забрать багаж.

«Какой багаж, зачем? – тупо думала Лариса. – Где Аня, что с ней, это же я схожу с ума».

Она безразлично следовала за усталой переводчицей, забрала свой чемодан, сиротливо стоявший у замершего конвейера, дошла до автобусной стоянки. У столика с названием турфирмы подала ваучер веселой девчушке в фирменной бейсболке и села в автобус, уже полный туристов.

Автобус тронулся, все происходящее казалось Ларисе нереальным. В голове звенело, тошнота подкатывала к горлу, она бессильно откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. По щекам полились горячие и какие-то вязкие слезы.

«Что я тут делаю, зачем, Анечка, доченька моя, где ты?»

16 августа 2008 года, суббота, вечер

Лариса тупо сидела на огромной кровати в номере, куда ее проводил молоденький турок, совсем мальчик, в голубой тужурке и форменной кепочке. Номер был огромный, красивый, с цветами в большой вазе и шикарным санузлом – в раскрытую дверь была видна огромная ванна, стеклянная душевая кабинка и биде с позолоченным краником.

Но Лариса уперлась взглядом в кровати – широченные, накрытые блестящими покрывалами. На каждой лежал затейливо сложенный махровый халат, а сверху – небольшая шоколадка.

Эта шоколадка ее доконала. Она сползла на пол, на красивый узорчатый ковер, и глухо завывала, раскачиваясь и стуча по полу ладонями.

Ничего нельзя было изменить и поправить – беззаботный и веселый отпуск, который она предвкушала еще сутки назад, превратился в сплошной ужас, в бездну, которая высасывала остатки сил и разума.

Сколько она плакала, Лариса не помнила. Наконец, обессилив и почти беззвучно всхлипывая она подползла к чемодану, который бросила у двери. Надо же что-то делать, куда-то бежать, кричать, звонить во все колокола! Звонить!

Она судорожно принялась шарить в сумке, выбрасывая, как ненужный хлам, ее содержимое, нащупала телефон. Как же раньше не сообразила! Снова набрала Анин номер, тот же голос пробубнил про отключенный аппарат...

Лариса несколько минут тупо смотрела на свой телефон, не понимая, кому и куда звонить. Потом набрала номер брата.

– Алеш, это я. – Она постаралась не зареветь сразу, брат терпеть не мог женских слез, либо сразу уходил, либо шипел, оскаливая зубы, словно у него болел коренной.

– А-а-а, долетели, турчанки! – донесся сквозь шелест веселый голос. Лариса представила, как он сидит за накрытым столом в майке и трусах – любимое времяпрепровождение брата после работы. – Ну как там погода?

– Алеш, Аня пропала. – У Ларисы не было сил говорить о чем-то еще.

– Куда пропала? – Брат все еще говорил весело, до него явно не дошел смысл. – С турком сбежала?

– Аня пропала здесь, в аэропорту. – Лариса чувствовала, что от произнесенного ею самой сейчас потеряет сознание, и попыталась сфокусировать взгляд на блестящих цветах покрывала. Она повысила голос: – Пошла в туалет и пропала. Понимаешь? Я сделала заявление в полицию, а они говорят, что по спискам пассажиров мы вообще в Турцию не прилетали... Понимаешь?

Брат ошарашенно молчал.

– Алеш, ты меня слышишь? – Лариса почти кричала. – Я не знаю, что мне делать!

– Ну, ты даешь... – наконец выдал из себя брат. – Ты давай требуй там с них, пусть ищут. Как это пропала? На их территории – пусть ищут. Пропала! Куда это она могла пропасть?

– Да не знаю я куда... – Лариса опустила голову на постель, закрыла глаза – перед ними все плыло.

– Ты это, не раскисай! – Брат утешил ее, как мог. – Найдется Нюра, не переживай. Вы с ней, часом, не поссорились там? Ты звони, держи меня в курсе. Если что...

– Что «если», Алеш? – перепугалась Лариса. – Мы не ссорились! Что «если»?

– Ну, если найдется, сразу звони, слышь! – Он просто не знал, что еще сказать.

– Да, я позвоню, конечно, – обессиленно выдохнула Лариса и отключилась.

Посидела несколько минут, пытаясь сообразить, кто мог бы помочь, что-то сказать такое, после чего она соберется, немедленно побежит и найдет свою девочку, и все это забудется, как страшный праздничный сон до обеда. Это бабушка так всегда говорила: праздничный сон –

до обеда. А что это значит? А, да, до обеда не сбылся – значит, не сбудется никогда, сама себе объяснила Лариса. Непонимающим взглядом обвела стены: все чужое, откуда все это взялось?

Потом снова судорожно набрала номер, на этот раз Ильи.

– Слушаю. – Суховатый голос показался таким близким, родным, хотя всего четыре месяца назад они договорились: расстаемся по-хорошему, без обид.

Лариса знала, что это ошибка, что расставаться не нужно, но инициатором была как раз она. Илья долго добивался, в чем причина, почему надо расстаться, и не верил, что единственной по-настоящему стоящей причиной было то, что его на дух не переносила Аня.

– Ты сумасшедшая? – не верил он. – У нее такой возраст. Она ревнует, вот и все. Станет старше – все поймет. Надо просто переждать, мы же не торопимся, пока проживем врозь, раз уж она так бесится.

– Нет, Илюша, не получится. – Лариса постаралась вложить в голос всю нежность, на которую была способна. – Понимаешь, я не могу потерять единственного ребенка, она просто перестанет мне верить, и все. Она считает, что я люблю тебя больше, чем ее.

– А ты? – Илья взял ее за плечи.

– Что я?

– Ты любишь ее больше, чем меня?

– Да, больше, – отвела глаза Лариса. – Но ты же это знаешь, я же говорила, что ребенок всегда будет на первом месте, ты помнишь?

– Помню, – помрачнел Илья. – Ну так и что – всю жизнь будешь плясать под ее дудку? А как же ты сама? Ведь она уйдет от тебя рано или поздно.

– Да, уйдет, – опустила голову Лариса.

– Ну? Я не понимаю! – взвился Илья. – Ну ладно, про меня ты не подумала. А про себя-то? Одна останешься?

– Але, слушаю, але! – Его голос вывел Ларису из ступора. – Кто это?

– Илюша, это я... – прошелестела она безжизненно.

– Ты? – Он не слишком удивился, поняла Лариса. – Что-то случилось?

– Да, случилось. Аня пропала. Мы прилетели в Турцию, и она тут в аэропорту пропала.

– Ты... здорова?

– Я умираю, Илюш... – Лариса зажала рот ладонью, проглотила рыдание. – Я не знаю, что делать.

– Ты в каком отеле и где?

– Где? Это называется Белек, отель «Измир».

– Сиди там, я попробую навести справки и тебе перезвоню, хорошо?

– Хорошо, – покорно кивнула Лариса.

– Только не делай резких движений, хорошо?

Она поняла, что хотел сказать Илья, все-таки их поразительная связь не была утрачена: она всегда понимала, что он недоговаривает и что хочет сказать. Не делай глупостей, не вздумай с собой сотворить что-нибудь, не закатывай истерик персоналу – вот что хотел он сказать, ее хладнокровный Илья. Только она-то знала, какой огонь полыхает под этой холодноватой внешне манерой, в глубине прозрачно-серых глаз.

Она встала, вышла на балкон, ничего не видя, смотрела вниз, на голубой кристалл бассейна. Все будет хорошо, проговорила сама себе, теперь, когда с ней Илья, все будет хорошо, Аня найдется.

Телефон зазвонил так резко, что она вздрогнула.

– Илюша! – закричала в трубку. – Это ты?

– Как Илюша, опять Илюша? – насмешливо отозвалась трубка низким голосом любимой подруги Нателлы. – Ты же клялась и божилась, что с Илюшей покончено раз и навсегда! О, коварная женщина! Стоило ехать в Турцию, чтобы стонать по Илюше! Чего не звонишь-то?

– Нателка! – Лариса поняла, что сейчас опять зарыдает. – Нателлочка, родная, у меня Аня пропала!

– Куда пропала? Что значит пропала? – Нателла мигом посерьезнела. – Говори толком, куда пропала?

– Мы прилетели в Анталию, она пошла в туалет и не вернулась, понимаешь? – Лариса снова не верила своим словам.

– Ты в полицию обращалась?

– Да!

– В аэропорту искала? Там же здание дурацкое, заблудиться на раз!

– Искала три часа.

– Так, а консулу звонила нашему?

– Н-нет, не звонила. – Лариса даже растерялась. – Я сейчас, я позвоню!

– Нет, ты не звони, ты поезжай сразу, вот что! – Нателка защелкала клавишами компьютера. – Запиши адрес в Анталии...

– Так уже конец рабочего дня, – спохватилась Лариса. – Там, наверное, никого нет?

– Ты поезжай, там же должен быть дежурный, – не унималась Нателла. – Что значит конец рабочего дня – российская гражданка пропала: пусть поднимают всех на уши, пусть ищут!

– Да-да, Нателлочка, я поеду, я сейчас! – Лариса наспех кидала в сумку все, что еще недавно выкидывала из нее.

– Ты звони, слышишь, если что нужно, я тут буду пробивать!

Лариса выскочила из лифта и подбежала к стойке.

– Можно мне такси до Анталии заказать, прямо сейчас?

– Зачем заказать? – заговорщицки склонился к ней высокий смуглый портье с удивительно маленькой головой на широких плечах. – Выходить на дорога. Поднимать рука – такси подъезжает. Стоит тридцать долларов или евро, только... Лариса метнулась от него, не дослушав.

16 августа 2008 года, суббота, вечер

Всю дорогу до Анталии Лариса, как заводная, повторяла про себя адрес генконсульства: Парк-Сокак, дом тридцать, Парк-Сокак, дом тридцать... Немолодой таксист включил на всю громкость какие-то заунывные турецкие песни, да еще сам подпевал таким же заунывным тонким голосом. Но Ларисе это не мешало, напротив, она была рада, что не надо разговаривать. Ей казалось, если он о чем-нибудь спросит, она тут же разрыдается в голос.

Наконец он высадил ее на тихой улице у белого особняка, вокруг которого росли красивые высокие пальмы. Вечерело, но жара не спадала, и кожа тут же покрылась испариной, хотя ее колотил озноб.

Она позвонила в дверь, и на порог вышла немолодая симпатичная женщина.

– Здравствуйте, мне нужно повидать консула! – громко сказала Лариса.

– Вы знаете, Хулькар Юсупович на выезде в Кемере, а вице-консул сегодня в аэропорту, встречает делегацию, – улыбнулась женщина.

Из Ларисы словно выпустили воздух, она покачнулась и села на высокий парапет крыльца.

– Что же мне делать? – Она чувствовала, что глаза наполняются слезами.

– Да вы не волнуйтесь, войдите. – Женщина посторонилась, пропуская ее в прохладный холл с белыми стенами и темной мебелью. – Что случилось?

Пока Лариса снова рассказывала все ту же историю – как они прилетели, и как Аня пропала, – женщина достала из холодильника кувшин с каким-то напитком, налила в высокий стакан – тот мгновенно запотел, поднесла Ларисе. Она машинально отпила, но тут же поставила стакан на столик.

– Что мне теперь делать?

– Так, заявление в полицию вы оставили, – женщина достала из стола какой-то бланк, – вот, заполните. Укажите паспортные данные свои и дочери, ваш отель, номер, телефон. У вас есть номер вашего заявления? Тогда тоже впишите сюда. Мы будем контролировать действия полиции. Вот вам визитка, звоните нам завтра, может, что-то выяснится.

– И что? – Лариса взяла бланк, он мелко затрясся у нее в руке. – Мне что, в отель ехать – и все?

– Ну а что же вы хотите? – мягко улыбнулась женщина. – Оставаться здесь вам смысла нет, я все передам, не волнуйтесь.

Лариса кое-как написала еще одно заявление – на имя консула, которое было напечатано в верхнем углу. Ей казалось, что она не сообщила чего-то важного, самого важного, но по сути добавить было нечего.

Она отдала заявление женщине, взяла визитку и, как сомнамбула, на подгибающихся ногах вышла на улицу. Зной полыхнул в лицо, она дошла до ближайшей скамейки и села, обхватив щеки ладонями и раскачиваясь.

Картины одна страшней другой представлялись ей так явственно, словно перед глазами разворачивался кинофильм. Вот Аня в каком-то подвале, грязная, избитая, привязана к батарее... Вот испуганная Аня в номере гостиницы, а рядом омерзительный старый мужик в одних трусах... Вот Аня валяется в каком-то хламе – рука подвернута, как у неживой...

Лариса потрясла головой: нет, так нельзя, так она свихнется, и никто не будет искать ее девочку. Надо думать о хорошем, об Ане живой и здоровой.

Она вспомнила, как их с новорожденной дочкой выписывали из роддома. Верные подружки Нателка и Маша тогда не только сами примчались с букетом роз, но приволокли за собой и Фимку Краснянского: «Ты что, с ума сошла – не говори никому!.. Надо чтобы

ребенка принимал мужчина, папаша – хоть ненастоящий!» А за Фимкой, конечно, притащилась и Сонечка, которая бдительно стерегла его от покушений других девчонок.

Жаркий майский полдень быстро сушил лужи во дворе роддома. Фимка, обряженный по официальному случаю в свой длинный сюртук цвета детской неожиданности, пошитый папой-портным в городе Тирасполе, стоически потел, кряхтел и огрызался. Но свою ответственную роль исполнил до конца. Хотя со своей дыбом стоящей русой шевелюрой был очень похож на молодого Блока и совершенно не похож на папашу.

Пожилая акушерка, которая рассчитывала на традиционную коробку конфет и не получила ее, скептически поджала губы и буквально кинула кулек с Аней на руки «папаше». И вот такой смешной русско-армянско-еврейской компанией они и привезли Аню домой – в темную комнатку коммуналки, где Лариса заранее приготовила деревянную кровать. Ее притащил сантехник Габид Ахмедович, разыскав на чердаке полуразвалившегося флигеля. Кровать Лариса отмыла, отскребла ножиком и застелила белоснежными простынками... И Фимка долго стоял над кульком с упакованной в роддоме Анечкой, делая козу кривыми длинными пальцами, пока бдительная Сонечка не оттащила его и фальшивым голосом не попрощалась со всеми, поскольку «дела-дела»...

А папаша... Анин папаша тогда не проявил и признака жизни. Лариса снова ощутила то чувство горькой несправедливости, которое тогда, восемнадцать лет назад, так давило ее, а потом почти забылось.

С Сергеем они познакомились, когда ее, практикантку молодежной газеты, послали в Красногорский госпиталь – написать о последних раненых из Афганистана. Советские войска выводили из этой бессмысленной и кровавой войны, в Ташкенте их встречали оркестрами и цветами, а в московских госпиталях долечивались раненые.

В наброшенном на плечи белом халате она ходила из палаты в палату, по виду совершенно здоровые и крепкие бойцы зубоскалили при виде хорошенькой темноволосой девчонки и совсем не хотели произносить правильные слова про Родину и долг.

Сергей сам потянул ее за висящий рукав, когда она уже почти отчаялась – задание было под угрозой срыва. Она присела рядом, и он с полчаса с самым серьезным выражением лица рассказывал ей про героических ребят, про то, как они отражали атаку душманов, когда их накрыли из миномета. Как они в эти минуты думали о своих матерях и о родных улицах родных городов и сел. Пока она не поняла, что он просто «травит», как положено, когда охморяешь девушку по полной программе.

– Все рассказал? – спросила она, самолюбиво прикусив губу. – А что же про березки не вернул? Тут еще надо про березки.

– Про какие про березки? – Сергей наивно распахнул глаза из-под белой повязки, охватившей лоб. – У меня никаких березок, я ж с Краснодара, там у нас все больше тополя да каштаны. А ты в кино со мной пойдешь?

– А чего не в ресторан сразу? – Лариса обиделась и уже вставала, чтобы уйти от нахального старшего лейтенанта.

Но он схватил ее за руку:

– Ты не обижайся! Там знаешь, как страшно бывает, когда из миномета лупят по тебе прямой наводкой. – Он смотрел на нее вполне серьезно и искренне. – Не то что маму вспоминать, только думаешь: сейчас шмякнет, мокрого места не останется от тебя... Какой там березки, имя свое не помнишь!

После этого она еще с полчаса сидела рядом, а он рассказывал, как там, в Афгане, было на самом деле: про голодных ребятшек, выпрашивавших хлеб и сигареты, про зачистки, когда они входили в кишлаки, где не было живой мыши, одни протухшие трупы на пыльных улицах, про погибших ребят из его роты...

А потом была любовь – бешеная, ненормальная, закрутившая их на все лето. Сначала она приезжала к нему в госпиталь, потом он тайком пробирался в общагу на Ленгорах – понимающая соседка по комнате, высокая и костистая спортсменка Оля, уходила на весь день «по делам».

Лариса таяла, как Снегурочка, в его сильных руках. Изнемогая от нежности, гладила отрастающий на его лобастой голове светлый ежик, не прикасаясь к розовому рубцу. Пересчитывала «кубики» на тренированном торсе. А он шептал, что только она сделала его счастливым, она – необыкновенная, удивительная, нежная Лара.

Лишь один раз он вскользь спросил, почему она не предохраняется. Лариса игриво напала на него: «А ты что, боишься оказаться папашей?» Нет, ответил он серьезно, он ничего не боится, только зачем ей эти заморочки, когда надо заканчивать университет.

В сентябре ему пора пришла ехать домой, в отпуск по ранению. Два дня они провели не размыкая объятий, и лишь в последние минуты она решилась: сказала, что у нее задержка второй месяц.

Он тихонько отстранил ее, посмотрел в глаза: «Да ты что, Ларка? Я же предупреждал, надо предохраняться». – «Да ладно, не бойся, я справлюсь, мама поможет», – утешила она его, еще не понимая, что топор уже занесен над ее глупой головой. И тогда он ударил: «Но я ведь женат, понимаешь?»

Лариса что есть силы потеряла лицо ладонями. Казалось, все это давно перегорело, подернуто пеплом и закопано в глубине памяти навеки. Но вот стоило тронуть тонкую корочку – и все мгновенно всплыло в памяти, как будто вчера она ошарашенно села в постели, не веря своим ушам. «Женат? А почему...» – начала она и тут же замолчала. Что толку было спрашивать, если и так все ясно. Она не спрашивала, он и не говорил – о чем тут говорить, когда любовь?

После того как он уехал, она оцепенело просидела в общаге целый месяц, изредка появляясь в учебных аудиториях, когда Нателка или Машка попеременно и вместе орала на нее как резаные. Зимнюю сессию сдала на автомате, потому что все преподаватели знали ее и снисходительно смотрели на самую старательную отличницу курса, с которой явно что-то случилось.

В последний раз они увиделись в марте, когда она была уже на восьмом месяце. Он заехал в общежитие перед назначением в новую часть, в ГДР. Там узнал, что Лариса теперь живет в коммуналке рядом с факультетом. Пришел туда, в новеньком обмундировании, с капитанскими погонами, стройный и красивый, только совсем чужой.

– Ну, как ты? – спросил стесненно.

– Отлично, ты же видишь. – Она опустила глаза на круглое пузо.

– Говорил тебе: зачем нужны эти заморочки? – Он покрутил головой.

– Заморочки? – Ее голос совсем заледенел, губы плохо шевелились. – Это не заморочки, это мой ребенок. Да ты не бойся, к тебе никаких претензий...

– И это все, что ты можешь мне сказать? – Он встал, застегнул шинель.

– А чего еще ты хотел услышать? – Лариса усмехнулась. – Вернись, я все прощу? Живи как сможешь. Пока!

Он круто развернулся и вышел. Сжавшись, она слушала четкий звук его шагов, потом грохот тяжелой двери в подъезде...

«Не права, наверное, я была не права», – раскачиваясь на скамейке, думала Лариса. Да, надо было как-то по-другому, нельзя было лишать ребенка отца. Можно было поступиться самолюбием, обидой, не рвать так сразу.

«А что изменилось бы?» – тут же возник трезвый голос. Ну, был бы, может, папа на расстоянии, изредка писал бы или присылал подарочки. Разве это нужно ребенку? «Да, – не унимался голос, – ну и был бы хоть на расстоянии, а так – вообще никакого». Может, он потом

полюбил бы Аню, ведь ее нельзя не полюбить – она хороший, веселый, умный ребенок. Ну, с характером, так это лучше, чем бесхарактерная размазня... И кстати, многим похожа на отца – резкая, но отходчивая, упертая, но смешливая, легкая...

Лариса встала, больше просто не могла сидеть, надо было куда-то бежать, что-то делать – бездействие смертельно. Но куда? Она быстро пошла по бульвару к центру города.

Вспомнила, как лет семь назад наткнулась в газете на некролог: «Безвременно трагически погиб в автокатастрофе Сергей Петрович Терновой, генеральный директор ОАО «Евротех». Фамилия и имя зацепили, совпадали и кое-какие факты биографии – офицер в отставке, воевал в Афганистане... Но на фото был вроде совсем другой человек: солидный, лысоватый, в тонких дорогих очках. Тем не менее она отложила газету в ящик письменного стола. Потом через приятеля в «Комсомолке» удалось узнать: да, тот самый. После того как наш воинский контингент вывели из ГДР, уволился из армии, занялся бизнесом, похоронен в Краснодаре, осталась вдова.

Именно тогда она и рассказала Ане правду. Точнее, почти всю правду. Что любила, что папа тоже любил, но не мог остаться, надо было уезжать за границу, а потом пути их разошлись. «А почему он тебя с собой не взял?» – прямодушно спросила дочь. «Потому что я не могла, надо было закончить университет, – легко соврала она. – А он встретил другую женщину, ну так бывает... Ты прости меня, дочь, что я выбрала тебе не того папу», – повинилась она. «Да ладно, мам, не бойсь, прорвемся!» – Аня недоверчиво разглядывала газетный некролог. – Вот ты бы сейчас осталась вдова, а так ты просто моя мама!»

Лариса облегченно рассмеялась, хотя глаза были на мокром месте. Тяжелый для нее разговор неожиданно прошел легче, чем она думала. Аня никогда особенно не расспрашивала про папу, пока была совсем маленькой. Но обожала мужскую компанию, ластилась к дяде Алеше и Ларисиным друзьям. Видя это, Лариса переживала неполноценность своей семьи особенно остро, что бы там ни говорили психологи про то, что важен не ее состав, важно качество отношений...

Взрослея, Аня вдруг стала избегать любых упоминаний чьих-либо отцов, разлюбила бывать у дяди. Там росли двоюродные брат и сестра, и Леночка, которая была на пять лет моложе, особенно ревниво следила за тем, чтобы папа не уделял много внимания племяннице. Лариса снова молча страдала, понимая: дочь наконец осознала, чего лишена. Осознала и не приняла ситуации. Но детское сердце оказалось мягче и снисходительнее, чем взрослая жесткая правда...

«Дурак ты, такую дочку не увидел ни разу, а она тебя любила бы, – продолжила она свой бесконечный, не прерывавшийся долгие годы разговор с Сергеем. – А ты так ничего и не узнал...»

Через полчаса она дошла до бульвара Ататюрка – шумного и многолюдного даже в этот поздний час. По обеим сторонам центральной аллеи медленно шли толпы отдыхающих, присматривались к витринам ювелирных и меховых магазинов, у входов в которые стояли зазывалы – смуглые молодые люди. Они только что не хватали проходящих за руки, но все-таки удерживались от этой фамильярности. Зато преграждали путь, предлагая зайти в магазин, выпить чаю или прохладительных напитков, заглядывали через плечо к тем, кто останавливался у витрины, расхваливали свой товар, обещали огромные скидки...

Некоторые из них обращались и к ней, но она быстро шла, глядя на проезжую часть в поисках такси. Вдруг дорогу ей преградила шумная толпа смуглых людей разного калибра – от малышей до стариков. Одеты они были в модные запачканные тряпки и разговаривали, похоже, по-турецки, но все равно было видно – цыгане. Мелкие дети приплясывали, хватали ее за сарафан, за сумку. Лариса инстинктивно прижала сумку локтем, пытаясь выбраться из толпы. Пожилая женщина с темным ярко размалеванным лицом сгребла ее ладонь, быстро

затарыхтела что-то по-своему, заглядывая в глаза. Он нее пахнуло смесью тяжелого табачного перегара и лука. Лариса вырвала руку, протиснулась мимо кривляющихся детей и побежала.

Сердце колотилось: в черных глазах цыганки с красноватыми белками плескалось безумие, или это она сама сходит с ума?

Наконец на углу Лариса увидела свободную машину и, хотя водитель заломил вдвое против дороги сюда, быстро села, лишь бы избавиться от празднично настроенного отдыхающего люда.

За окнами такси быстро темнело, но она не замечала дороги, пристально глядя в одну точку перед собой. Что еще нужно сделать? Куда позвонить? Кто может помочь?

Лощевский! Как же она забыла? С его связями он может позвонить в МИД или ФСБ! Как же она не вспомнила! Правда, в Москве уже почти одиннадцать ночи, а номер его сотового она не знает, придется ждать до утра понедельника, он обычно рано приезжает в банк. Лариса инстинктивно схватилась за телефон, висящий на груди. Пальцы нащупали пустую тесемку... Внутри что-то оборвалось, словно ее лишили последней надежды на скорую встречу с Аней, хотя позвонить ей было все равно невозможно.

Водитель такси прислушался к глухим рыданиям на заднем сиденье и даже выключил привычное заунывное пение радиоприемника: странные эти русские, то смеются во весь голос, то плачут. Но пассажирка быстро справилась со слезами и всю оставшуюся дорогу молча, напряженно смотрела прямо перед собой. Приемник включить он так и не решился.

В номере Лариса упала на неразобранную кровать, укрылась узорчатым покрывалом. Предстояло скоротать еще одну бессонную ночь, а потом еще целые сутки, чтобы утром в понедельник позвонить Лощевскому.

Совладелец крупного банка Вадим Лощевский был, конечно, птицей не ее полета. На Ларису его вывела все та же верная Нателка, которая в последние годы работала в престижной деловой газете, была на хорошем счету и всех крупных воротил бизнеса называла исключительно Вадик, Шурик и даже Жорик-джан.

Лощевскому, видимо, надоело заниматься исключительно деньгами, и он написал книжку. Но написал так, что даже за большие деньги ее не брали издательства. Потребовался хороший редактор или, по-теперешнему, риайтер. А по-простому книжку надо было переписать человеческим языком.

Нателка позвонила возбужденная: работа клевая, Вадик обещает две тысячи баксов за редактирование, вот тебе и отпуск в Туретчине, на который ты никак накопить не можешь.

На изумление Ларисы: я же ничего не понимаю в бизнесе – Нателка отрезала: зато ты понимаешь в русском языке и стиле. Тоже мне лучший редактор крупного издательства, а трусишь, как первотелка! Нателка умела убеждать.

Лощевский оказался невысоким и хрупким человеком с непропорционально большой головой и узкими слабыми ладошками. Но хватка, видимо, у него была железная. За десять лет он создал крупнейший частный банк, завел великие связи в правительстве и на мировом финансовом рынке – словом, процветал. Книжку же он написал про то, что человеку делать со своими личными деньгами. Когда Лариса прочитала рукопись, ей даже понравилось – советы были толковые, аргументация убедительная, только язык скучный, сухой и блеклый, как старая банкнота.

– Я возьмусь за редактирование, – сказала она независимо, – если вы позволите мне некоторую свободу.

– Это в каком смысле? – Он с интересом рассматривал редакторшу, которую ему пришлось отыскивать через Нателлу Григорян – толковую, хотя и излишне язвительную журналистку. Внешне редакторша особого впечатления не производила: в узких джинсиках и недорогой кофточке, сумочка из козлама – так, мышь серая. Только глаза были очень темные и

словно горячие да волосы красиво вились крупными волнами, хотя она небрежно закалывала их на затылке.

– В том смысле, что содержание у вашей книжки очень хорошее, а форма неадекватная, продрасть сквозь все эти пакетные инвестирования и фьючерсы под силу только человеку с финансовым образованием. А вы же не для него это написали?

– Ну, в принципе да, вы правы. – Лощевский смахивал узкой ладонью невидимые пылинки с дорогой столешницы какого-то диковинного дерева в смуглых извилистых узорах. В его кабинете вообще все было очень дорогим, но без плебейской новорусской роскоши, заметила Лариса. – Хотелось бы ликвидировать финансовую безграмотность обычного гражданина. Разумеется, молодого. Старикам это все объяснять уже бесполезно.

– А молодой – это до какого возраста? – иронично спросила редакторша.

– Ну, не знаю, лет до сорока – сорока пяти, – в раздумье протянул он. Эта женщина была совсем не похожа ни на его сотрудниц – вышколенных и всегда готовых к услугам, ни на приятельниц его жены – дорогих элегантных женщин, позволявших обожать и баловать себя. Эта явно была из «нишшебродов», как называла их бабка Настя, но держалась независимо и даже позволяла себе иронию...

– А стало быть, я еще попадаю, слава богу. – Она усмехнулась. – А то уж было подумала, что мне это все – мимо.

– Хорошо, свободу берите ровно столько, сколько унесете, – не удержался он от колкости, подсознательно стремясь поставить редакторшу на место. – Первые две главы сделаете за неделю?

– За неделю – одну, а если поладим, всю рукопись – за полтора месяца, идет? – Лариса снова уложила флешку и распечатку в сумку, словно не сомневалась в его согласии. – Как вам звонить, если будут вопросы?

– Звоните через секретаря. – Лощевский хмыкнул, но на самом деле ему понравилась ее деловитость и то, что строптивая редакторша не зависла у него в кабинете.

Первую главу она почти переписала – структурировала текст: разбила на мелкие главки, в начало другим шрифтом вынесла вопросы, на которые те отвечают, в конце, тоже выделив, написала короткие выводы и совет автора, вставила анекдоты про деньги, для чего пришлось собирать их, обзванивая друзей и знакомых. Словом, поработала от души.

Душа Лощевскому понравилась, хотя он особо не хвалил, даже высказал ряд замечаний, впрочем, по делу и без ехидства. В таком же духе Лариса переработала всю рукопись. Она даже рада была, что работы с ней было много. Во-первых, как раз шли выпускные, а потом и вступительные экзамены у Ани. Во-вторых, расставание с Ильей оказалось куда труднее, чем она сама себе пророчила. И если бы не рукопись Лощевского, у нее было бы больше времени на нервотрепку. А так переживать расставание с любимым и трястись за дочь было некогда...

В общем, они с банкиром друг друга хорошо поняли и приняли, и, когда книжка была готова он даже предложил Ларисе поставить ее фамилию второй, в качестве соавтора. От этой чести она уклонилась, сказала, что вполне достаточно будет указать ее литературным редактором. Но когда он выплатил ей гонорар не в две тысячи, как обещал, а в три, взяла с чистой совестью – ее работа того стоила. Он тогда еще спросил, как она намерена потратить заработанное, то есть воспользуется ли его советами из книжки. Но она весело сказала, что нет, не воспользуется, а намерена купить дочери ноутбук, а остальное прокутить на отдых вдвоем с нею в российской провинции Турции. Лощевский засмеялся и порекомендовал «свое» турагентство – надежное и проверенное. Расстались вполне довольные друг другом. С Ларисы он взял обещание не отказать, если он задумает повторить писательский опыт.

Так неужели сейчас он откажет ей в помощи?

16 августа 2008 года, суббота, вечер

Нателла нахмурилась и потеряла Сковорцова за рукав. Тот, не отрывая глаз от монитора, огрызнулся:

– Отвянь, видишь, я думаю!

– Чего тут думать! Думает он! – Нателла всплеснула руками. – Думать будешь дома, на диване. А сейчас звони!

– Куда звонить, курица ты армянская! – Сковорцов раскрутился на кресле. – Ты что, думаешь, у меня вся криминальная Москва в телефоне? Я и думаю, как выйти на этих уродов.

– Юрочка, миленький, не тяни! – Нателла умоляюще сложила ладони перед собой. – Девку своровали у матери из рук, ты понимаешь? А куда они ее пристроят, если не в бордель? Куда восемнадцатилетнюю хорошенькую дурочку еще могут своровать, а? Ты же знаешь, как этот бизнес налажен – сначала предлагают работу официантки или танцовщицы, а потом... Ты же сам писал про экспорт девчонок на Восток! У тебя же отличный репортаж был, ну!

– Баранки гну! – Сковорцов встал во весь свой полутораметровый рост, покатался колом по кабинету. – Те бойцы, что мне информацию сливали, уже давно там не работают, поняла? Как выйти на новых – это вопрос. Позвоню-ка я Семейному.

– Кому-кому?

– Опер есть такой в угро, он как раз путанками занимается, у него связи есть среди сутенеров. – Сковорцов поскреб затылок. – Может, выведет на канальчик какой. Только насчет Турции – не знаю, вроде там только перевалки есть на Европу, а так девки там не задерживаются.

– Во-от, можешь, когда захочешь! Ай, спасибо, ара, ай, молодец! – прокричала Нателла с утрированным армянским акцентом, притянула Сковорцова за уши и смачно поцеловала в лоб. Он люто отмахнулся.

Нателла набрала номер Ларисы. Телефон долго пиликал, но подруга не отзывалась. «Что она там, живая или уже нет?» – с ужасом подумала Нателла.

С Ларкой они дружили со вступительных экзаменов на журфак. Перед сочинением она подошла к черноволосой девчонке с темными глазами как-то интуитивно, думала, если та и не армянка, то все равно явно нерусская, а значит, своя. Нателла лишь два года жила в Москве, с тех пор, как отца перевели из Еревана на работу в союзное министерство. В московской школе она так и не смогла близко сойтись с девчонками – стеснялась акцента, того, что многого не знала, не понимала тут, в столице. А те удивлялись замкнутости, зажатости новенькой. Ведь им не объяснить, что в своей школе в Ереване она была самая бойкая и заводная, за что ей не раз попадало от учителей.

Она раскрепостилась лишь к концу десятого класса, но тогда было уже не до веселья – все готовились к экзаменам, бегали по репетиторам. Так и не завела себе закадычной подружки.

Лариса, оказалось, была стопроцентно русская, из маленького города Иванова, где у нее жили мама и младший брат. Девушки мгновенно почувствовали взаимную симпатию и с тех пор почти не расставались до той минуты, когда увидели свои фамилии в списке принятых. Потом Лариса поселилась в общежитии, в одной комнате с Машей Зотовой, с которой тоже быстро подружилась.

Машка приехала в Москву с Сахалина, взалб рассказывала о родных местах, была компанейской и веселой, училась легко и охотно помогала другим. И Нателла, которая поначалу ревновала Ларису к соседке и даже обижалась, что та пытается расстроить их верную дружбу, сама незаметно подружилась и с Машей. В учебных аудиториях, в читалке и на экзаменах они всегда сидели втроем, прикрывали друг друга на экзаменах.

А когда Лариса и Маша познакомилась с родителями Нателлы, ее мама Гоар Аветисовна сама стала предлагать девчонкам остаться переночевать, если они засиживались за учебниками

допоздна. Она решила, что дружба с целеустремленными и трудолюбивыми девочками пойдет на пользу ее легкомысленной дочери.

Правда, Машка вскоре переехала жить к тетушке, которая овдовела и сильно болела, и стала реже бывать у Нателлы дома. А Ларка продолжала заниматься с подружкой, подтягивая ее по тем предметам, которые давались той с трудом, – теории и практике печати, политэкономии, истмату... В комнате Нателлы появилось «Ларкино кресло» – раскладное, жесткое и неудобное, но Лариса изредка спала на нем на законном основании. Даже отец, вечно занятой и спешащий, по утрам перестал шарахаться, ненароком встречаясь с заспанной Ларисой в коридоре, и вежливо желал ей доброго утра.

Ларисе нравился веселый нрав Нателки, ее умение любую проблему превращать в смешное препятствие, не стоящее нервов. Нателлу восхищали в Ларке целеустремленность и патологическая порядочность. Она училась по полной программе, ничего не забывала, не пропускала, ее конспекты можно было показывать на выставке студенческих шедевров. Нателка, которая обожала полениться, проспать первую пару и хорошие конспекты заменить кокетничанием с экзаменатором, рядом с Ларкой стыдилась своей лени и нехоты, с причитаниями и воплями, но все равно училась если и не в полную силу, то вполне прилично.

Когда после четвертого курса у Ларисы снесло крышу и она безумно влюбилась, Нателла была первой, кому она рассказала о Сергее. Глядя в счастливые глаза подруги, Нателла осторожно спросила: у вас это как, серьезно? Ларка только помотала головой: ничего не знаю, люблю! И пропала на пару месяцев, почти не звонила и редко появлялась на факультете, благо на пятом курсе за посещаемостью уже никто не следил.

Нателла первой узнала и о беременности подруги, и о предательстве Сергея. Ларка, потухшая, бледная, сидела перед ней, обреченно уставясь в пол.

– Ты с ума сошла, да? – кипятилась Нателла. – Что значит: ну и пусть! Ребенок его? Его! А он в кусты? Анамуш, срика! Нет, это номер у него не пройдет! Химар! Апуш!

– Ты чего ругаешься, да еще так страшно? Это что – апуш какой-то, да еще срика? Ужас просто!

– А что, не срика, по-твоему? – Нателка уперла руки в бока, ее агатовые глаза пылали гневом. – Это значит негодяй, мерзавец! Химар, придурок! Надо написать командиру части, надо найти его и заставить!

– Заставить что? – тихо спросила Лариса. – Любить меня? Или ребенка? Заставить невозможно, как ты не понимаешь?!

– Тогда делай аборт, на кой тебе такое счастье? Куда ты с ребенком – домой, к маме? Вот ей будет радость! – Нателла села рядом, обняла подругу за плечи.

– Ни за что. – Лариса тихонько высвободилась из ее рук. – Ребенок будет мой. Я не могу его убить, понимаешь?

За последующие месяцы Лариса сделала невозможное. Она перевелась на вечернее, хотя в учебной части делали большие глаза: как это, пятикурсница, отличница, именная стипендиатка – и уходит с курса неизвестно зачем? Она устроилась на работу дворником, получила служебную комнатку в старинном флигеле на задворках факультета. По утрам, надев страшный бушлат и до бровей повязавшись платком, мела дворы. По вечерам подрабатывала перепечаткой студенческих курсовых и дипломных работ на машинке, которую Нателла принесла ей из дома, наплетя родителям, что Лариса пишет книгу. Мама только покачала головой: надо же, Ларочка, какая умная девочка, счастье матери, не то что ты, легкомысленная птичка-цитик!

А Лариса копила деньги – она решила, что не станет обременять мать, сможет протянуть какое-то время после родов, а там получит диплом, устроится на работу по специальности. Но все получилось не так, как она планировала.

Роды оказались тяжелые, ей сделали кесарево сечение, малышка была беспокойной, крикливой, не спала ночью... Пришлось звонить маме, просить помощи.

Едва пережив шок – дочка-умница, и вдруг такое с ней приключилось, – мама приехала и целый месяц самоотверженно ухаживала и за внучкой, и за дочерью. Предложила забрать Анечку к себе, в Иваново, чтобы Лариса смогла закончить институт, как все, устроиться на хорошую работу. Но та решительно отказалась: братишка заканчивал школу, мать работала, до пенсии ей еще два года, а на ту пенсию, которую брат получает за отца, сильно не разбежишься. «Продержусь, мам, не расстраивайся», – твердо сказала Лариса.

Нателка не выдержала, проболталась матери о ситуации. Тихая Гоар Аветисовна плакала и сокрушалась: бедная девочка, хехч ахчик! Пусть поживет у нас, если надо, мы с бабушкой поможем. Но Лариса и от этой помощи отказалась – не могла обременять и щедрое семейство Григорянов, которые без того делали для нее много доброго.

Анечка фактически росла как «дочь полка». Когда Лариса ходила на консультации и экзамены, с малышкой по очереди сидели подруги-однокурсницы, больше других – Нателла и Машка. Они делились с Ларисой тем, что привозили из дома, – кто картошкой, кто вареньем или домашними консервами. Машкины родители присылали коробки соленой и копченой рыбы.

Иногда добровольной няней бывал даже насмешник Фимка Краснянский, которого, впрочем, почти всегда сопровождала Сонечка. Фимка протягивал малышке длинный палец, за который она сосредоточенно хваталась, пуская пузыри, и хмыкал глубокомысленно: «Во хватка, как у мишки-коала!» Сонечка отпихивала его от кровати: «Где это ты коал-то видал, юный зоолог!», брала Аню на руки и сюсюкала над ней, как заправская мамаша.

Журналистскую карьеру Лариса так и не сделала. Но устроилась в крупное издательство и быстро пошла в гору – через год стала старшим редактором, еще через год – заведующей редакцией молодежной литературы, и сам главред, большой писатель и гуманист, а также член бюро райкома КПСС, выхлопотал ей комнату в коммуналке и – уж совсем невероятная удача – московскую прописку.

Машка, закончив факультет в числе лучших, помчалась на свой родной Сахалин, где ее уже ждали в местной молодежи. С сияющими глазами она прощалась с подругами и клялась в первый же отпуск приехать к ним. Нателла, распределившись в «Советскую торговлю», тихо сидела в отделе писем, пока газетный рынок не начал на глазах трансформироваться.

В 90-х, как пузыри на лужах во время дождя, возникали и тут же лопались новые издания, пропадали старые, журналистская братия носилась из одного нового проекта в другой. Нателку, с ее острым языком и полным отсутствием страха перед авторитетами, пригласил в новую «Деловую газету» однокурсник, талантливый и хваткий парень. Там она нашла себя в качестве финансового обозревателя, бойкого пера которого побаивались вновь испеченные бизнесмены и банкиры.

Дружба ее с Ларисой сохранилась так, как сохраняется сестринская любовь. Они, конечно, теперь виделись гораздо реже, но это ничего не значило. Обо всех радостях и бедах они первым делом сообщали друг другу – каждая была уверена, что и в том и в другом никто лучше не поймет и не поможет, если что...

Подросшую Аню Нателла считала если не дочерью, то уж племянницей точно. Своих детей у нее пока не было – не случилось, да и разнообразные романы кончались в основном плачевно. А единственный скоропалительный брак рухнул через полгода после свадьбы, в 1992-м. Муж, безумно талантливый и столь же безгранично ленивый очеркист Левик Бабаян, объявил, что надо срочно уезжать из страны, – с этими дефолтами ничего хорошего здесь не предвидится. Уехал, пообещав вернуться, но так и не вернулся, прислал только согласие на развод... И вот теперь Нателла сидела за компьютером и мучительно соображала, что еще сделать, чтобы помочь Ларке в этой дикой ситуации, которую она и вообразить бы не смогла еще сутки назад.

17 августа 2008 года, воскресенье, утро

Аня очнулась, когда по лицу провели чем-то мокрым. Открыла глаза – над ней склонилась девушка в белом халатике и какой-то чудной шапочке на голове. Она широко улыбалась и что-то проговорила, показалось, на французском языке. Старательно вытерла лицо Ани сухой салфеткой, продолжая что-то щебетать.

Французский Аня пыталась учить как второй иностранный, в старших классах, но сильно не преуспела. Заучила лишь самые обиходные слова, да и то путала их произношение с английским, который знала неплохо.

Она попыталась заговорить, но горло совсем пересохло и саднило. Во рту был странный металлический вкус, а кожа словно покрыта какой-то коркой – скользкой и противной.

Девушка в шапочке еще что-то сказала и указала пальцем на дверь.

– Где я? – кое-как выговорила Аня. – Где моя мама?

Девушка обеспокоенно залопотала, потом выскочила за дверь.

Аня обвела взглядом комнату. Светло-зеленые стены, белая мебель. Кровать стоит как-то чудно, посередине комнаты, рядом столик на колесиках. На нем какой-то прибор, провод от которого закреплен на ее указательном пальце. Вся стена напротив кровати целиком занавешена кремовыми жалюзи – там, наверное, окно, подумала Аня. Пол блестящий, тоже светло-зеленый, в углу металлическая урна...

Похоже на больницу. «Наверное, здесь мама, а мне тоже стало плохо», – вспомнила Аня. Сначала затошнило, а потом дядька-сопровождающий как-то расплылся, и через минуту все пропало.

Дверь бесшумно открылась, и в комнату вошел тот самый высокий дядька, на этот раз в светло-зеленом халате.

– Очнулись? – улыбнулся он. – Вот и хорошо, а то мы перепугались.

– Что со мной, я заболела, что ли? – хрипло выговорила Аня.

– Вам стало плохо в машине. – Он озабоченно взял ее за запястье, прислушался. – И мы предполагаем, это отравление. У вашей мамы те же симптомы и еще сердечная недостаточность.

– А где мама? – Аня попыталась привстать с подушки. – Я хочу к ней...

– К ней пока нельзя, но ей уже лучше, – успокаивающим тоном сказал мужчина, видя, что Аня порывается встать. – Нет-нет, вы лежите, вам нельзя вставать, мы должны вас полностью обследовать.

– А где я нахожусь, это что? – Аня глазами показала на прибор на столике и на свой палец.

– О, это просто монитор вашего состояния, информация передается на экран дежурной медсестры. – Он улыбнулся и поправил приборчик. – Это хорошая клиника, ваша страховка покрывает все расходы.

Аня немного расслабилась – все не так страшно, как показалось в первый момент. Лицо у мужика какое-то слишком правильное, как у киноартиста, но голос приятный и вообще... Она скосила глаза на свою грудь – только вот лежать перед ним в какой-то страшной кацавейке с тесемками некрасиво.

– Я хочу пить, – прохрипела она. – И есть...

– Да-да, конечно, сейчас у вас возьмут кровь на анализ, мы должны проверить ее на токсины. А потом вас покормят ужином.

– Ужином? – не поверила своим ушам Аня. – А что, уже вечер? Это я весь день без сознания?

– К сожалению, да, – развел руками мужчина. – Но это бывает при отравлении, знаете, выделяются эндотоксины, которые действуют на головной мозг. Но сейчас вы уже в безопасности, вам прокапали противоядие...

– А вы кто, врач? – не удержалась Аня.

– Нет, я представитель страховой компании, меня зовут Павел Николаевич, но можете называть меня просто Павел.

– А мама... Она тоже отравилась, вы говорите? Или все-таки сердце?

– Да, у нее тоже сильное отравление, но яд подействовал и на сердечную мышцу. – Павел сочувственно улыбнулся снова, показав ровные, без единого изъяна зубы. – Вот почему сначала предположили, что это инфаркт. Но она молодец, быстро пришла в себя. Сейчас ей делают различные анализы, обследования, но через день-два переведут сюда, к вам в палату, вы не против?

– Нет, конечно. – Аня тряхнула слежавшимися волосами. – А можно мне душ принять?

– Чуть позже, хорошо? – Павел встал. – Сейчас пришло к вам медсестру.

Он вышел, а в палату впорхнула давешняя сестричка в чудной шапочке. Она снова застрекотала что-то по-французски, поднесла к койке подносик со жгутом, шприцем и другими медицинскими прибабасами.

Аня зажмурилась, пока сестра чем-то холодным водила по сгибу локтя, потом немного уколола и быстро развязала жгут.

Аня боялась уколов, сколько себя помнила, но тут даже не пикнула, думая, что маме, наверное, хуже, чем ей, раз сердце прихватило и она даже в реанимации.

– Мерси, – очаровательно улыбнулась сестричка и снова проговорила длинную фразу по-французски.

Ничего себе турки, подумала Аня, медсестер из Франции выписывают. Наверное, и правда богатая больница. Сестра вышла и через пять минут принесла поднос, накрытый салфеткой. Вынула из шкафа какую-то доску, развернула. Оказалось – столик, который можно поставить прямо на кровать. Такие Аня до сих пор видела только в кино.

Продолжая щебетать, сестра поставила поднос на столик, сняла салфетку. Тарелка, накрытая блестящим круглым колпаком, высокий бумажный стакан с крышкой, бутылочка воды и какое-то пирожное в пластиковой коробочке. Она подняла колпак – на тарелке лежал кусок розовой рыбы, вокруг выложен затейливый гарнир из морковки, капусты брокколи и зелени, все полито белым соусом и посыпано какими-то крошками...

Есть хотелось так, что подводило живот. Аня взяла блестящую вилку, отковырнула кусок. Она терпеть не могла рыбы ни в каком виде, и мама всегда уговаривала ее съесть хоть немного, потому что рыбу надо есть для здоровья. Лицо матери, смешно сморщившей нос и убеждающей ее съесть кусочек, Аня увидела так явственно, что горло перехватило. Частые мелкие слезы закапали в тарелку, и она бросила вилку, уткнувшись в салфетку.

Медсестра растерянно смотрела на рыдающую девочку – ей впервые привелось видеть, чтобы великолепно приготовленная лососина вызвала такую реакцию.

17 августа 2008 года, воскресенье, вечер

Лариса не помнила, как провела этот день, слоняясь по номеру, выходя на улицу, где палящее солнце било по глазам, как огонь электросварки. Она возвращалась в номер, порывалась звонить кому-нибудь, но не понимала, кому и зачем. Ложилась на кровать, укрываясь с головой покрывалом, но не могла спать, плакала, а потом, обессилев от слез, лежала, представляя себя мертвой, выпотрошенной рыбиной...

Наконец, дожив до вечера, машинально приняла душ, включила на всю мощь тихо жужжащий под потолком кондиционер и легла под скользкие простыни на широченную кровать. Она знала, что не уснет, но надо было как-то дотерпеть до утра.

Холодный ветер леденил висок, но все равно казалось, что в голове все кипит. Она вертелась на постели, не находя удобного положения и пытаясь как-то защититься от страшных картин, всплывавших в воспаленном мозгу.

Остро вспомнилось, что вот так же коротала ночи, когда маленькая Аня болела. Первый год был непростым: дочка кричала ночи напролет и успокаивалась только на руках. То ли оттого, что она всю беременность тяжело работала, особенно зимой, когда надо было сгребать кучи снега и долбить лед. То ли от непреходящего горького вкуса обиды на Сергея, который никак не отозвался на рождение малышки... Но она и сама этот год прожила словно под анестезией. Машинально делала все, что должна была, машинально готовила какую-то еду, стирала, купала дочку... И всеми силами старалась не думать о том, что будет, если она вдруг заболеет, не выдержит. Анечка заходилась криком и днем и ночью...

А Лариса винила себя в том, что ребенок не спит, плохо ест и не прибавляет в весе, как положено. Она бегала по поликлиникам, доставала какие-то дефицитные лекарства, истязала себя диетами, чтобы, не дай бог, в молоко не попало что-нибудь лишнее, чтобы дочь наконец окрепла и поправилась.

«Животик, – качала головой участковый педиатр, – вы не тревожьтесь, мамочка, у всех детей в этом возрасте с животиком проблемы». Пока наконец Лариса не нашла выдающееся светило «по животикам». Маленькая сухонькая профессорша посмотрела на листок с анализами и покачала седой головкой: «Орет? Имеет полное право! Скажите спасибо, что по потолку не бегает!» Назначенное профессоршей несложное лечение помогло. К семи месяцам Анечка выправилась, перестала кричать после кормления, довольно гулила и улыбалась, показывая два белых зубика.

«Ну, посмотри, Нателка, это же чистый ангел!» – хвасталась Лариса подруге, развернув Анечку перед купанием и любясь розовыми ручками и ножками, завитками светлых волос. Аня совала в рот кулачок, потом, искривив мордашку и страшно покраснев, громко пукала. «Что-то ангел у вас какой-то вонючий, мамаша!» – хохотала Нателка.

Потом она отдала Аню в ясли. Спешно сдав ее с рук на руки няньке и убегая, слышала громкий плач. Иногда сама плакала за углом, так хотелось вернуться, забрать дочку и унести домой. Но делать было нечего – бывшая руководительница дипломной работы профессор Вавилова устроила ее на работу в крупное издательство. А там строго соблюдали трудовую дисциплину, опаздывать и сидеть на больничном было не принято. К тому же Ларисе пришлось продолжать и свою дворницкую карьеру, чтобы не отобрали служебную комнату.

Она вставала в пять утра, убирала свой участок, потом неслась с Аней в ясли, а к десяти уже сидела за рабочим столом в редакции. Сейчас было страшно вспоминать те два года, но тогда она, закусив губу, упрямо твердила себе: я смогу, я не сломаюсь, не дождетесь.

К кому относилось это «не дождетесь», она и сама не могла бы сказать. Но острое чувство собственной силы и невозможности отступить помнила до сих пор очень явственно.

Когда главный редактор издательства, маститый писатель Кожеватов, выхлопотал ей комнату в коммуналке и прописку, сразу стало легче. Не надо было вставать ни свет ни заря и волочить тяжелые пешню и лопату по темным зимним улицам и дворам. Правда, Лариса очень боялась знаков внимания со стороны главного редактора, который явно ей благоволил.

«Теперь начнет приставать, старый ходок! – мрачно пророчила Нателка. – Уж известно, что он слаб по женской линии. Раз облагодетельствовал, то жди подляны...»

Лариса сжималась в комок, когда секретарша главного вызывала ее: «Зайдите к Николаю Валентиновичу!» Он и впрямь пару раз нежно жал ей руку, похлопывал по плечу, но дальше дело не пошло: над головой Кожеватова сгустились тучи акционирования издательства, были какие-то неприятности со взрослым сыном – балбесом и пропойцей... А потом старого писателя и вовсе попросили с насиженного места. Его кабинет занял сухой и деловитый бизнесмен – начиналась эра коммерческой литературы.

Лариса вертелась на широкой кровати до рассвета. Вставала, пила воду, прикладывала к раскаленной голове мокрое полотенце. Но когда тяжелые занавески стало розово подсвечивать солнце, внезапно провалилась не в сон, а в какое-то странное забытие, словно рассудок отключился сам, отказался сохранять бодрствование...

Проснувшись оттого, что сильно вздрогнула всем телом. Несколько секунд непонимающе осматривалась: где я, что со мной? И тут же бетонная плита навалилась на нее всей тяжестью: Аня пропала.

Посмотрела на часы: пять утра, в Москве шесть, звонить рано. Оставшиеся три часа провела на балконе, скорчившись в плетеном кресле и слушая утренние звуки просыпающегося отеля.

Подъезжали какие-то автомобили, включились автоматические поливалки на газонах, служащие мели каменные тротуары и расставляли шезлонги у бассейнов... Потом к морю на утреннее купание потянулись сторонники здорового образа жизни. Потом хорошо запахло кофе...

Воздух нагревался с каждым часом все заметнее. Курорт с его сонным, неторопливым ритмом, к которому она еще так недавно стремилась, начинал очередной день лени и ничего-неделания. А она, с пересохшим ртом и пылающими висками, холодными липкими ладонями прижимала к горлу узорчатое покрывало, в которое закуталась от озноба, и считала минуты до момента, когда можно будет позвонить в Москву.

18 августа 2008 года, понедельник, утро

Аня поискала глазами часы на привычном месте – справа от себя. Утренний сон еще туманил глаза, но она сразу проснулась: часов на стене не было... Вспомнила, что она в больнице, а мама вообще в реанимации, – вот как чудесно начался их отдых в Турции.

Немного саднила ранка на сгибе локтя, но в целом она чувствовала себя неплохо, только както нереально. Наверное, это все отравление виновато, подумала она. Что же с мамой? Хоть бы встать и дойти до нее.

Она попыталась представить мать на больничной койке, бледную, в окружении каких-то приборов. Ничего не получалось – сколько Аня помнила себя, мама никогда не лежала, не болела. Даже когда простужалась и явно чувствовала себя плохо, не ложилась, а только куталась в старенькую бабушкину шаль и несколько дней брала работу на дом. Сидела за компьютером, хлюпая носом, и хрипло отгоняла от себя Аню: отойди, заразишься еще!

Один только раз Аня испугалась, когда проснулась ночью от чужих голосов и света, бывшего сквозь стеклянную дверь ее комнаты. В комнату тихонько вошла мать, наклонилась над ее постелью:

– Анечка, не пугайся, ко мне скорая приехала, сейчас уедут.

– А что случилось, мам? – Аня со сна только хлопала глазами.

– Да ничего страшного, сердце прихватило, вот и вызвала. – И так же тихонько вышла из комнаты.

Аня села, укутавшись в одеяло, и долго слушала, как бубнил что-то мужской голос, потом захихикал женский, но явно не мамин. Темные силуэты мелькнули к прихожей, дверь захлопнулась.

– Ну что, мам, как ты? – Аня подскочила к постели.

– Да все в порядке, кардиограмма нормальная. – Мать успокоительно похлопала дочку по руке. – Просто я немного испугалась, часа в два прихватило сильно, думала – инфаркт.

– Как инфаркт? – Аню больше испугал тон матери, чем само слово. – Какой еще инфаркт?

– Да нету никакого инфаркта, успокойся! – Мама попыталась засмеяться. – Доктор сказал, переутомление, отдыхать надо, вот, таблетки назначил.

Аня села на краешек постели, обняла мать:

– Ну ты смотри не болей у меня!

– Да я и не болею, это так что-то... Ты спи, а то в школу проспишь.

И в школу в тот день Аня действительно проспала...

Она пригорюнилась, вспоминая тот эпизод, – ведь тогда могла бы побольше заботиться о матери. Но она, не задумываясь, убегала то на репетицию в танцевальную студию, то на прогулку с подружками. И неохотно выполняла поручения по дому – жалко было тратить время на уборку или покупку продуктов. Мать иногда ругала ее, но чаще молча все делала сама.

Аня откинула одеяло и собралась потихоньку встать, но дверь вдруг чуть-чуть приоткрылась. Аня снова укрылась одеялом – вдруг сейчас разорутся, что вставать нельзя?

Но в палату просунулась детская физиономия в медицинской маске. На голове у ребенка была красная бейсболка козырьком назад, а между ней и маской – хитро прищуренные глаза. Ребенок уставился на Аню, но не двинулся.

– Чего ты, заходи! – Аня сделала приглашающий жест. – Не бойся!

В щель протиснулся мальчик в желтой майке и больших, не по росту, джинсовых шортах, в руках он держал футбольный мяч. Лет пять или шесть, подумала Аня, она всегда с трудом определяла детский возраст.

– Ты кто? – Аня преувеличенно нахмурила брови, но не выдержала и улыбнулась, так откровенно пацанчик пялился на нее.

– Я – Сеня, – качнул он головой на тонкой шее. – А ты кто?

– А я – Аня.

– Ты болеешь? – Из-за маски речь мальчика была не очень разборчивой.

– Да нет, это так, временно. – Аня махнула рукой.

– А я болею! – гордо сказал Сеня. – Мне будут операцию делать.

Он сильно картавил: получилось не «операцию», а «опегацию».

– А ты чего в маске-то? – поинтересовалась Аня.

Он подошел поближе, снял маску, она повисла на одном ухе. Теперь было видно, какое бледное, мучнистое лицо у малыша, а под бейсболкой голова обрита налысо.

– А, чтобы мик'обы не п'ивязались, – тоном опытного пациента объяснил Сеня. – Они же тут к'угом, только и ждут, а мне болеть соплями нельзя, мама сказала. А то опегацию не сделают.

– А-а, – кивнула Аня. – А ты вообще-то из России?

– Не-е, я тут живу, – помотал головой Сеня. – А папа сказал, что после опегации он мне газгешит на яхте гулить. У тебя есть яхта?

– Не-ет, – усмехнулась Аня. – Яхты нету. У меня велик есть и ролики.

– Ну, у меня тоже велик есть, и голики, и квад'оцикл. – Сеня пренебрежительно махнул рукой. – Только мне тепегь нельзя кататься. А то если упаду, будет инфекция, а мне нельзя, мама сказала.

– А как же футбол? – Аня показала глазами на мяч. – Тоже ведь можно упасть.

– А, я не иг'аю, это так, от стенки только отскакивает, а на улице нельзя. – Сеня пригрюнился, снова надел на оттопыренное ухо резиночку маски.

– Ну, ты не грусти, – сказала Аня сочувственно. – Вот операцию сделают, и все будет нормально, будешь и в футбол играть, и на квадроцикле ездить, да?

– А хочешь, я попогшу папу, и он газ'ешит тебе на яхте со мной покататься? – Даже сквозь маску было видно, что Сеня улыбнулся. – Я буду гулевой, папа капитан, а ты будешь юнга, хочешь?

– Конечно хочу! – Аня улыбнулась в ответ. – Ты только давай поправляйся, и обязательно покатаемся.

– Ну ладно, я пошел, а то Жулька будет вопить, что я не в койке.

– Жулька? Это собака твоя, что ли?

– Собака! – Сеня захихикал, держась за живот. – Ну ты смешная! Это Жюли, моя няня, папа ее Жулькой называет.

– А-а, – озадачилась Аня. – Как-то некрасиво, она же не собака?

– Не, она вообще-то добгая, только глупая ужасно, папа говорит. – Сеня подошел в двери. – Ну, я пошел! Огевуаг!

– Ну, оревуар! – засмеялась Аня. – Будь здоров, не кашляй!

18 августа 2008 года, понедельник, утро

Лощевский всегда приезжал на работу рано, за два часа до официального начала рабочего дня. Он любил эти два свободных от совещаний и посетителей часа – именно утром в его голову приходили самые ценные мысли, рождались новые проекты, можно было спокойно просмотреть прессу, полазить по Интернету.

Звонок телефона в это время был непривычен, секретаря еще нет на месте, деловые люди так рано не звонят. Это наверняка кто-то из родственников. Их звонков Лощевский не любил, потому что в конечном счете все они сводились к одному: дай денег. Отказывать он тоже не любил, а родственникам и вовсе не мог. Но всякий раз при этом чувствовал себя дойной коровой, у которой, не спросясь, пытаются отобрать молоко, предназначенное ее теленку.

Чертыхнувшись, он взял трубку.

– Вадим Викторович? Доброе утро, это Лариса Северцева, помните меня? Ваш редактор...

– Да-да, конечно, помню, Лариса... – Лощевский не забыл, он и не знал отчества Ларисы, но теперь было как-то неудобно называть ее по имени. – Слушаю вас!

– У меня беда, Вадим Викторович. – Лариса перевела дух. – Я в Турции. Прилетела вчера. В аэропорту у меня пропала дочь, Аня Северцева, восемнадцати лет. Прошу вас, помогите, если можете.

Лощевский ясно слышал в ее голосе подавленное рыдание. Вот сейчас разревется, этого только не хватало.

– Погодите, что значит – пропала? – Он пытался выиграть время и отвлечь ее от попытки рыдать. – Толком объясните, как пропала, где?

– В аэропорту. – Лариса отчетливо лязгнула зубами, видимо, ее била дрожь. – Мы стояли за получением визы, она пошла в туалет и не вернулась. Я сделала заявление в полицию и нашему консулу в Анталии. Но они не очень серьезно отнеслись к моим словам. Прошу вас, подключите ФСБ или МВД – кто у нас занимается поисками людей за границей? У вас же есть связи там? – умоляющим тоном добавила она.

– Так, Лариса, успокойтесь! – Лощевский встал и подошел к стеклянной стене кабинета. Внизу расстилалась роскошная панорама делового центра Москвы, высотные здания сверкали зеркальными стенами, внизу ходко бежала электричка, но стояли стада авто на шоссе. – Я попытаюсь выяснить, что можно сделать. Не отключайте телефон. Я свяжусь с вами через какое-то время.

– Спасибо, Вадим Викторович, спасибо огромное! – Теперь Лариса уже явно плакала, слова выходили какими-то кусками. – Только сотового у меня нет, украли... Я сама вам позвоню, хорошо? Скажите, когда?

– Ну, не знаю... – Лощевский прикинул свое расписание. – Давайте завтра, в это же время.

– Спасибо, спасибо вам, огромное спасибо, если...

– Да-да, договорились! Всего доброго! – Вадим прервал излишняя благодарности, положил трубку. Выносить это дольше было невозможно.

Он походил из угла в угол кабинета. Утреннее настроение было испорчено напрочь. Снова подошел к окну, заметил какое-то пятнышко на сияющей поверхности, достал из кармана белоснежный платок и оттер его, платок швырнул в корзину для бумаг.

Потом сел за стол, побарабанил пальцами по матовой поверхности. «Интересно, во что это я вляпался? Все началось со звонка Страхова...» Он вспомнил тот разговор до мельчайших подробностей.

– Вадим, дружище! Как дела? Как домашние? – Красивый баритон Страхова невозможно было спутать ни с каким другим голосом. – Как насчет субботы, махнем партийку на интерес?

Они часто встречались в загородном гольф-клубе, куда Вадим стал ездить недавно. А Страхов был знатоком и мастером гольфа со времен работы в Лондоне.

– Еще не знаю, Кирилл, как сложится, Эмма хочет лететь в Париж на уик-энд. – Лощевский досадливо поморщился – он ненавидел эти шоп-туры по выходным, поскольку теперь все можно было купить и в Москве. Но Эмма считала, что летать в Париж без мужа так же неприлично, как и заказывать вещи персональному шоферу, и предпочитала все примерять и покупать сама, тратя массу его времени.

– Ну, смотри, а то я рад буду постучать клюшками с тобой. – Страхов смачно рассмеялся. – Да, чуть не забыл...

Лощевский понял, что сейчас и будет сказано то, ради чего он взялся за телефон, – Страхов никогда не звонил просто так, поболтать о гольфе.

– Ты, говорят, хорошего редактора ищешь для своей книжки? – делано равнодушным тоном спросил он. – Так возьми Северцеву из «Тетра-пресс», толковая тетка, просто равной ей нет. Я, правда, телефончик не помню, попроси секретаршу найти через Нателлу Григорян, знаешь, эту штучку из «Деловой газеты»? Северцева мне книжку редактировала года два назад, такая конфетка получилась, а сейчас, говорят, бедствует. Вот заодно и поможешь бедной девушке.

Лощевский pokrивился – откуда только узнал, что рукопись вернули из издательства? Все-таки утечку информации никакими деньгами не предотвратишь, сколько ни заплати.

– Спасибо, Кирилл, за хороший совет, а то и правда толкового редактора днем с огнем не найти! Непременно обращусь к этой, как ты говоришь... Северцевой? Сейчас запишу.

– И еще одна просьбочка, Вадим! – Страхов подпустил в голос интимности. – Ты после того, как закончит работу, отправь ее куда-нибудь за границу отдохнуть, а? У нее дочка школу заканчивает в этом году, мечтает за границу, а денег у родительницы нет. Ты уж не взыщи, что обременяю, баба классная, так просто денег не возьмет из гордости, а помочь некому...

Лощевский просчитывал все мгновенно: так, ясно, видимо, эта Северцева его любовница или была любовницей. Отношения разорваны, но обида у нее осталась. А Страхову мстительные тетки за спиной не нужны, вот решил таким образом загладить ситуацию – его, Лощевского, руками. И деньгами. Ну ничего, такая услуга дорого стоит и всегда пригодится на будущее.

– Конечно, Кирилл, если захочет, отправлю хоть на Лазурный Берег, не вопрос!

– Да нет, таких жертв не надо, – снова зарокотал в трубке роскошный страховский смех. – С нее будет и Турции или Египта, на большее она у тебя не наработает! Просто приличное турагентство подскажи, да чтобы не очень дорого – и все!

Лощевский покачался в кресле, порефлексовал: как же тогда не сработала «тревожная кнопка» в голове, которая всегда оберегала его от рискованных решений и неправильных знакомств? Что случилось там с этой девочкой, дочкой Ларисы? Случайно попала в лапы поставщиков «свежего мяса» или Кирилл Страхов действительно в этом как-то замешан? Но каким боком – не тот бизнес, чтобы мог польститься на него Страхов, с его положением, рафинированностью, тремя университетами и пятью языками.

Со Страховым они давно не виделись, наверное, целый месяц.

Он посмотрел на часы, набрал знакомый номер.

– Аллоу! – раздался тягучий баритон.

– Кирилл, привет! – Лощевский еще не решил, как выстроит разговор, важно было поймать первую реакцию собеседника. – Как дела, как биз движется?

– Все бы отлично, если бы не эти придурки сам знаешь где! – захохотал Страхов. – Теперь вот жди дефолта. Сам-то как? Говорят, укрупняешься?

Вот уже и информация о покупке «Крис-банка» ему известна, с досадой отметил Лоцевский. Но сейчас он не хотел отвлекаться.

– Да пока только думаю, за тобой все равно не угнаться. А у меня для тебя информация.

– Н-ну давай! – Слышно было, как Страхов шелкнул зажигалкой, со вкусом затянулся. Он курил сигариллы с мягким ванильным вкусом, и Лоцевскому показалось, что в его кабинете сразу запахло пирожными и табаком.

– Помнишь, ты мне рекомендовал редакторшу для книжки, Северцеву Ларису? Весной еще дело было, в мае?

– Не помню, но не важно, давай дальше! – В голосе Страхова не было слышно ни волнения, ни интереса. – Книжку же ты выпустил, отличная книжка получилась, а?

– Спасибо, Кирилл. – Лоцевский помедлил, надеясь, что Страхов сам прервет паузу. Но не на того напал – искусство диалога было известно Страхову не хуже, чем самому Лоцевскому. Не выдавай всю информацию сразу, подожди, пока собеседник проявит свой интерес первым: у кого крепче нервы, тот всегда с прибылью.

Страхов легко молчал, затягиваясь своей сигариллой.

– Слушай, у нее в Турции дочь украли прямо в аэропорту, представляешь? – Лоцевский помедлил. – Ты мне тогда еще говорил, что ей очень хочется за границу, отдохнуть вдвоем с дочкой...

– Ну ты даешь, Вадик, разве все упомнишь, о чем народы просят доброго дядю Кириюшу? – Страхов говорил как-то рассеянно, слышно было, что листал какие-то бумаги или, может, журнал с картинками. – Пропала, говоришь? Так, может, просто сбежала от мамы? С каким-нибудь Каримом или Абдуллой? С девицами такого возраста это случается...

Лоцевский не говорил, какого возраста девочка, а Страхов только что отрицал, что помнил просьбу о Ларисе, а значит, не мог помнить и о ее дочери. Но Лоцевский ничего этого не сказал: ему стало ясно, что упорствовать бесполезно. Страхов никогда не признается, что просил о чем-либо связанном с этой женщиной.

– Д-да, возможно, – так же равнодушно ответил Вадим. – Просто загадочная история. А ты как, в отпуске уже побывал или все горишь на работе?

– Горю, старичок, не до отдыха. Зимой поеду на лыжах покататься! Давай вместе махнем в Альпы?

– Ну почему бы и нет? На три-четыре дня смогу вырваться. Только до зимы еще...

– Ну ничего, может, в субботу в клубе? Ты давненько не катал мячик.

– Постараюсь, Кирилл! До встречи!

Он положил трубку. Посидел несколько минут, собираясь с мыслями и анализируя закончившийся разговор. Похоже, ситуация дерьмовая, и, возможно, он сам в дерьме по самые уши. Хоть поездка в Турцию и была затеей самой Ларисы, но кто-то этим явно воспользовался. Кто-то, у кого была информация либо от турагентства, которое он лично рекомендовал Ларисе, либо от Страхова, который сейчас сделал вид, что никаким боком в этом не причастен. Но зачем и кому могла понадобиться эта девочка, ее дочь?

18 августа 2008 года, понедельник, день

Скворцов разлил водку, призывно поднял свою рюмку:

– Давай, Петро, за вас, оперов!

Семейный покачал головой:

– Какой я теперь опер? Я теперь начальник гребаный. Сажу в кабинете, бумаги отписываю.

– А-а, настоящий опер всегда останется опером, хоть генеральские звезды ему навесь. – Скворцов опрокинул рюмку, закусил маринованным грибом. Вот за это – за нормальную выпивку и закуску – он и уважал модный ресторан на Таганке, где тщательно воссоздали атмосферу, интерьеры и меню эпохи любимого фильма всех времен и народов «Место встречи изменить нельзя». – Где твой Тищенко-то?

– Да вот, опаздывает, паршивец! – Семейный покрутил круглой, коротко стриженной головой. – Позволяет себе!

– Теперь ты ему не командир, – засмеялся Скворцов. – Это раньше ты их сутенерскую шоблу мог одним пальцем пришибить, если бы захотел. А теперь бросил это поле, пошел в гору. Бросил бедных девочек на произвол мамок и папок.

– Да я и сейчас их по одному пришибить могу, – обиделся Семейный. – Команды нету. Была бы команда, думаешь, мы бы их не упаковали всех до одного? Команду не дают, а без команды, сам знаешь... – Ну да. – Скворцов чувствовал, что косеет, но дело надо было довести до конца, раз обещал. – Без команды и прыщ не вскочит на заднице, точно!

Плотный невысокий парень в косухе и черных джинсах подскочил к их столику с разгону.

– Извиняйте, Петр Иванович, припоздал чуток! – Он суетливо поклонился Семейному, кивнул Скворцову. – Пробки, блин! Куда ни сунься, все равно угодишь... Мягкий хохлацкий говорок выдавал в парне «неместного». – Какие проблемы?

– Проблемы? У меня никаких! – Семейный сразу приосанился, подпустил в голос начальственных нот. – Проблемы если только у тебя, нет?

– Да какие у нас проблемы, – захихикал Тищенко. – У нас все путем, как положено, без осложнений. Чего пить будете?

– Да мы уж приняли немного, хватит. – Семейный явно не хотел пить с сутенером. – Ты вот товарищу моему ответь на ряд вопросов – и свободен.

Скворцов дожевывал ломтик огурца, вытер губы салфеткой.

– Слушаю! – Тищенко с готовностью развернулся к нему.

– Тут у моей знакомой проблема в Турции возникла. – Скворцов внимательно смотрел в лицо сутенера – если будет врать, он увидит. – Дочку у нее в аэропорту увели. Украли. Вот пытаюсь понять, кому это надо было и зачем? Дочке только-только восемнадцать стукнуло, считай, несовершеннолетняя.

– А шо они там, у Турции, живут или как? – Тищенко покосился на почти допитую бутылку «Посольской».

– Да прилетели на неделю отдохнуть, и прямо в аэропорту девчонка пропала! – с досадой объяснил Скворцов. – Могут там наши или местные девчонки загребать?

Тищенко помолчал, задумчиво пожевал веточку укропа.

– Та не. – Он убежденно покачал головой. – Навряд ли! Зачем рисковать, когда их тут можно сотнями вербовать и уже готовых по-тихому перевозить? Наши бы не стали вязаться. А турки? Турки тоже навряд. У них хоть проституция разрешена, но поставками не занимаются, законы грубые, за похищение женщины можно десятку строгого схлопотать. А тут же еще международный скандал может выйти... Не, навряд!

– А арабы, например? – Скворцов пригнулся поближе к парню. – Могут блондинистых девчонок в Турции вербовать?

– Ну шо, из-за одной девчонки так рисковать? – Тищенко поднял бровки домиком. – Отсюдова они могут вагон запросить и получить. Хошь беленьких, хошь синеньких в крапинку – любых.

– Н-да, загвоздка! – Семейный поскреб в затылке. – Ладно, Тищ, иди себе. Спасибо, как говорится, но гляди не зарывайся, я за тобой присматриваю, так и знай.

– А то ж! – Тищенко встал, почти что поклонился. – Мы же все понимаем, ученые! Спасибо и вам, Петр Иванович, вы, если что, звоните!

– Что – если что? – грозно осведомился Семейный. – Ты это про что?

– Ну, так, вообще, может, вот информацию треба или так... – Тищенко явно запутался, что хотел предложить грозному оперу.

– Ну, давай, веди себя! – Семейный сдвинул брови. – Бывай!

– И вы, Петр Иванович, бывайте здоровеньки! – И, вертя на пальце брелок с ключами от машины, Тищенко от греха подальше быстро пошел на выход.

Семейный развел руками и издал губами звук, который можно было перевести как «ну вот, говорил тебе, что ничего не выйдет!». Скворцов покивал тоже молча – полезной информации было ноль, если не считать, что вряд ли на Ларисину дочку польстились торговцы «живым товаром». Но тогда вообще непонятно, кому и зачем она понадобилась...

18 августа 2008 года, понедельник, день

Нателла дописывала материал в номер, когда в комнату, которую она делила со Скворцовым, кто-то вошел.

– Да сейчас, сейчас, еще абзац остался! – Нателка досадливо махнула в сторону двери. – Задолбали со своим дедлайном, я же сказала, в три сдам.

– Задолбали, говоришь? – Теплые ладони обхватили ее голову с двух сторон. – Незаменимая ты наша!

Нателла обернулась. За спиной стояла Машка Зотова¹ собственной персоной. Машка как Машка – джинсы, курточка, короткая стрижка, задорно вздернутая верхняя губа. Только пахло от нее как-то... «загранично».

– Ты откуда, иностранка залетная? – Нателка вскочила, обняла подругу. Два года назад Машка неожиданно для всех вышла замуж за своего немца и уехала в Германию. С немцем она познакомилась в командировке на Курилы, потом был долгий и тревожный роман: то он приезжал в Москву, то Машка летала во Франкфурт. У Андреаса тяжело болел сын, потом мальчик умер, потом долго тянулся по-немецки обстоятельный развод... И наконец Маша и Андреас обрели друг друга. – Как там Андрюха, фрау Берг?

– Сама ты фрау, я – комрад, ты же знаешь! – Машка счастливо засмеялась. – Андреаса присылают работать в московский корпункт «Фото ревью», а я и рада! Он пока собирается, формальности улаживает, а я уже тут. Языка-то толком не знаю, надоело без постоянной работы, ужас! Ну, как вы тут, как Лариска, как Анечка?

– А-а, да ты же ничего не знаешь! – Нателла устало уронила руки. – Горе у нас. Анька пропала.

– Где пропала, куда пропала? – Глаза Маши округлились от страха. – Ты что такое несешь, подруга?

Нателла с пятого на десятое рассказала все, что смогла. Маша мрачно сидела, уставясь в пол. Веселого настроения как не бывало.

– Так что тут сидеть? – Она подняла глаза на Нателлу. – Надо же к ней лететь. Она ж там с ума сойдет – одна, без помощи, без поддержки. Ты-то чего не позвонила, я бы еще вчера прилетела.

– Ну как лететь? – Нателла жалобно развела руками. – Отпуск я уже отгуляла, в командировку не пошлют. А потом, деньги проматывать? Я ей собираюсь послать сколько наскребу – ей же там деньги сейчас нужнее.

– А Илья что, тоже не может полететь? – Маша требовательно уставилась на подругу.

– Так Илья... – Нателла покачала головой. – Ты что, не знаешь? Лариска же его отшила. Совсем. Вот такая ерунда. Анька так его и не приняла, так она же мамаша сумасшедшая – ради дочки мужика направила...

– Ну ладно, с Ильей я сама поговорю, тут рассусоливать нечего. – Маша хлопнула по коленке. – Пойдем кофейку выпьем, все обмозгуем.

* * *

– Алло, Илья? – Голос Маши слегка дрогнул, она все-таки испытывала немотивированную робость перед бойфрендом подруги, самой себе непонятную. – Это Мария, подруга Ларисы...

¹ О приключениях журналистки Маши Зотовой и ее немецкого коллеги Андреаса Берга читайте в романе «Золотая ловушка».

– Добрый день, слушаю. – Илья, как всегда, суховат, деловит и вообще «денди лондонский», как Маша называла его про себя, а иногда и Ларисе: «Как там твой денди лондонский?» Лариска улыбалась – ей как раз нравились в Илье и его элегантность, и сдержанность во внешнем проявлении чувств.

– Вы, конечно, в курсе, что произошло... – Маша и сама теперь не знала, как построить разговор с Вагнером. Его сухость всегда немного сбивала с толку. – С Аней, я имею в виду...

– Да, в курсе. – Он не скрывал нетерпения, весь из себя деловой и занятой.

Машка разозлилась.

– Я хотела спросить, не удалось ли вам что-нибудь узнать? – Свободной рукой она дотянулась до чашки с кофе, отпила глоток. И сразу успокоилась – подумаешь, большой начальник, глава адвокатской конторы. Мы тоже не лыком шиты!

– К сожалению, пока ничего утешительного. – Он явно не собирался перед ней отчитываться, но и Маша не собиралась так сразу сдаваться.

– А вы обращались в МИД? Может, там сумеют как-то надавить на турок, чтобы не замяли это дело, чтобы искали поактивнее?

– Обращался, пока никакой новой информации нет.

– Ну, может, у вас есть идеи, что еще можно предпринять? Коллега наш разговаривал с сутенерами, которые специализируются по поставкам девушек за рубеж... Ну, вы понимаете... – Маша слегка смутилась – тема совершенно не вязалась с «денди». – Так вот, ему сказали, что похищение в этих целях маловероятно. Тогда зачем и кому девочка понадобилась?

– Пока ничего не могу добавить, к сожалению. – Он явно закруглял разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.